

ВАЛЕРИЙ МАРКОВ: ПЕНА НА ГУБАХ

«Я воюю кривду...»

Парафраз

Четыре ведра помоев

У владивостокского краеведа Валерия Маркова – «бывшего секретаря комсомола, ушедшего в свое личное мандельштамоведение как в монашество»¹ – неоценимые заслуги перед теми, кому дорог Мандельштам. Во-первых, это краеведческие разыскания и первые сведения о пересыльном лагере, в котором поэт умер; во-вторых, приблизительная локализация той братской могилы, в которой и мандельштамовские косточки должны бы лежать. И это он привез на 100-летний мандельштамовский юбилей горсть владивостокской земли с места его могилы и бросил ее 19 января 1991 года в снег на могиле Н.Я. Мандельштам на Старокунцевском кладбище – запоминающийся жест.

В статье «Очевидец», опубликованной в 13-м выпуске Тихоокеанского альманаха «Рубеж»², он – впервые систематически – называет свои источники к первому и излагает ход рассуждений, приведших ко второму и третьему. Все это прямая поисковая и созидательная работа исследователя-краеведа – честь и хвала.

Но на этот раз Марков взялся за перо, увы, совсем для другого – чтобы разоблачить, чтобы вывести на чистую воду, чтобы сорвать маску с одного из важнейших свидетелей последних недель мандельштамовской жизни. Ма-

до того, все предыдущие свои труды и достижения Марков считает не более чем «увертюрой-прелюдией» этого разоблачительного сеанса, аттестуемого им как «новый этап исследований, вызванных явлением очередного (не знаю – какого по счету) очевидца смерти поэта». В другом месте он пишет, что, получая очередную справку, «разоблачающую» Моисеенко, он готов был «плакать счастливыми слезами», в третьем – что готовился к этому сеансу-бенефису в «Рубеже» больше 20 лет.

Поздравления! Жизнь, наконец, удалась!..

Юрий Илларионович Моисеенко оставил свои свидетельства в форме писем, аудио- или печатных интервью. Нас, расспрашивавших его о Мандельштаме, было всего трое – Эдвин Поляновский да еще Николай Поболь и пишущий эти строки – вдвоем (впрочем, он давал интервью и местным корреспондентам). Моисеенко уже нет в живых, умерли и двое из его собеседников. Посему считаю себя просто обязанным отложить все дела и вступить за честь опороченного Марковым честного человека и замечательного, с цепкой памятью, очевидца.

Свой опус Марков, кстати, так и назвал: Очевидец.

Без кавычек. Но все его содержание – это набрасывание этих липучек-«кавычек» на Моисеенко – как на лже-свидетеля.

Оспаривая достоверность свидетельств Моисеенко, Марков не смущается повторять совершенно бредовые истории о смерти, слышанные им в начале своего «романа с Мандельштамом» (автохарактеристика):

«Краевед и знаток литературной истории Приморья Сергей Иванов, сам побывавший в шкуре «врага народа» и отсидевший свой, к счастью, – небольшой срок, под большим секретом поведал о том, что Мандельштам был убит уголовниками, когда находился в пересыльном лагере. Его тело было расчленено на части и уложено в че-

тыре ведра. Затем, от других людей, довелось слышать разные варианты этой легенды, и во многих фигурировали эти страшные «четыре ведра». Откуда такая расцветка смерти поэта – не знаю».

Так же, ничем не моргнув и ничего не фильтруя, он вводит в научный оборот версии о Мандельштаме в психзоне под Сучаном и об идиллической старушке в селе Черниговке, с которой Мандельштам коротал свои последние дни:

«Очевидцы утверждали, что своими глазами видели покосившийся крест на могиле поэта с полуистертой надписью „О. ...штам“. Однако эти сведения оказались неподтвержденными».

Ведь ценнейшие какие сведения, ну и что что неподтвержденные! Осталось только доискаться, эмалированными ли были ведра и не Ариной ли Родионовной звали старушку?..

Мне, кстати, приходилось встречать мандельштамовского лжесвидетеля: безобиднейший народ. К прочитанному рассказу Эренбурга или, в лучшем случае, Надежды Яковлевны они прибавляли от себя всего пару фраз: всегда – о том, как Мандельштам умер у них на руках, и, через раз, вторую – что именно он, умирая, успел произнести в их адрес напутственное. На несовершенный залог, – то есть не на «умер», а на «умирал» с подробностями – фантазии или решимости уже не хватало.

А тут наглый враль Моисеенко, натискавший целый «рôман» детализированных фантазий, к тому же подтверждающихся и мемориальной базой данных, и другими свидетельствами: все учел, все предусмотрел этот хитрован из Осиповичей!

Впрочем, и Марков не прост. Потому и мечет свой томагавк не во все, что сообщил Моисеенко, а только

в часть. Он не оспаривает того, что Моисеенко был в лагере осенью 1938 года и в сибирских лагерях весной 1939 года, не оспаривает он и его знакомства с поэтом. Та малость, которую он пыжится доказать, – лишь в том, что с начала декабря 1938 года и по апрель 1939 года Моисеенко был не на Владивостокской пересылке, а на Колыме. А в таком случае – ура! – смерти Мандельштама Моисеенко видеть никак не мог, так что никакой бани с прожаркой не было, – что и требовалось доказать!

Мне лично довелось переписываться и даже разговаривать с тремя очевидцами – Крепсом, Маториным и Моисеенко. Крепс и вывел меня на Маторина, не переставая нахваливать его как свидетеля (а я направил к нему и Маркова), а о Моисеенко тогда еще никто не знал. Старые зэки Моисеенко и Маторин, прочитав о Мандельштаме друг у друга, явно недолюбливали свидетельства друг друга, оба возбуждались и отмечали то, в чем, по их мнению, ошибается другой, но ни один не говорил о другом, что он лжец или самозванец и не позволял себе того, что Григорий Померанц называл «пеной на губах».

А вот Марков – позволил, и на губах его одна только пена, а у читателя вместо лебединой песни – только шипение пенящейся пустоты...

Четыре ведра помоев: из мандельштамоведов в моисеенковеды

Свое наступление Марков повел сразу с двух сторон – с риторической и с исторической.

Сначала о риторическом заходе. На протяжении многих страниц – выморочные попытки разоблачения «лжи». «Самое главное, – покоя не давало смутное ощущение того, что кроме ошибочных сведений, герой-прозелит что-то скрывает, не договаривает...». Таких фразочек в «Рубеже» – десятки!

Но после такой арт-риторической подготовки так и ждешь, что теперь Марков-историк добьет своего «героя-прозелита» неотразимо убийственными аргументами.

Что ж, слово Маркову-историку!

Составленный им каталог прегрешений Моисеенко против правды-матки не так уж и длинен.

Во-первых, говорил, что прибыл в лагерь 15-го, а на самом деле 14 октября.

Во-вторых, говорит, что срок у Мандельштама 10 лет, а на самом деле 5.

В-третьих, грубейшею ложью является утверждение, что до самой смерти поэт оставался в подаренном Эренбургом, желтой кожи, пальто.

Ну и, в-четвертых и в-пятых, Моисеенко утаил, что плыл на «Джурме» в Нагаево и что зиму 1939 года провел на Колыме: в начале декабря 38-го года – туда и в апреле 39-го – обратно! Так что смерти мандельштамовской не видел, ври да не завирайся.

К Нагаево и Колыме мы еще вернемся, а сейчас напомним о феномене аберрации памяти, то есть о первых трех обвинениях.

Воспользуемся для этого теми пассажами, где Марков поминает лично меня или мои работы. Так, он пишет, что я приезжал во Владик с телевизионщиками в 1989 году и что нас якобы не пустили на территорию экипажа – бывшую лагерную. А я помню это иначе: дело было в 1990 году (фильм вышел на экраны 15 января 1991 года), и нас за ворота пустили, но только двоих и без камеры. Марков тогда уверенно показывал мне свои краеведческие реконструкции местонахождений – и 11-го барака, и больнички, и карьера, и места братской могилы (но это уже снаружи). Мое второе посещение экипажа состоялось в 2006 году, и с нами был Коля Поболь. Третьего визита не было.

Итак, двое участников одного и того же события утверждают о нем весьма разное. Проверить, кто из них

прав, в данном случае не очень сложно. Но, кто бы прав ни оказался, его «право́та» вовсе не означает, что другой, тот, кто не прав, – лжец. Просто одного из нас, а может быть и обоих, подвела память, поскольку мы, слава богу, не в состоянии удерживать все детали в их доподлинности бесконечно долго. Это, собственно, и называется «аберрацией памяти», – и это не болезнь и не злой умысел.

Когда Моисеенко упорно говорит о наличии на умирающем Мандельштаме желтого кожаного пальто Эренбурга, а другие помнят иначе и даже говорят, что это пальто уже давно было украдено или выменено Мандельштамом на сахар, тут же у него и украденный, то все это более чем возможно, но все это тоже аберрации памяти. Если всем сообщающим об утрате поверить, то нарядов у поэта был целый гардероб – тут и бушлат, и телогрейка, и пиджак, и даже тулуп, и зеленый френч, но ни один наряд не совпал в памяти разных людей хотя бы дважды. Усомнился бы я и в готовности находящегося в ГУЛАГе и не отличающегося богатырским здоровьем Мандельштама обменять накануне или в разгар зимы единственную теплую вещь на десерт.

Лично для меня убедительнее остается версия Моисеенко, сообщающего такую яркую, такую доподлинную деталь, какую невозможно придумать: пальто не взяли в прожарку из-за того, что оно кожаное (и, наверное, обработали иначе, например, сулемой). Вполне возможно, что у Мандельштама было не пальто, а тулуп (с кожаным верхом), полученный в больнице, когда поэт оказался в ней в первый раз.

И сколько бы Марков и загадочная фрау Кухарски из Вены ни ахали и ни охали, цена таким «доказательствам» – грош. Доказать тут ничего нельзя, можно только допустить.

Оспаривал Марков и самый факт хождения в баню и на прожарку. Мол, холодно и далеко. Но когда и кого

это в ГУЛАГе останавливало? Новые свидетельства, – в частности, Моисея Герчикова, сообщающего, что Сергей Цинберг, скончавшийся на завтра после Мандельштама, умер именно после похода в баню, – прекрасно согласуются с моисеенковскими.

Обратимся к центральному марковскому аргументу – к путешествию Моисеенко на Колыму. Сам Моисеенко, правда, упорно о себе думает, что в январе-феврале 1939 года переболел тифом и оглох, после чего в апреле и был сактирован в Мариинск. По Маркову – все иначе: Моисеенко забросили в начале декабря последним в 1938 году трюмом в Нагаево. Моисеенко, видимо, был там настолько позарез нужен, что даже карантин по тифу, объявленный на пересылке со 2 декабря (и закончившийся 26 декабря, как и полагается, прожаркой вещей и барачников), не остановил ни его собравшихся у причала работодателей с цветами в руках, ни его биографа Маркова с лупой и календарем. Марков Моисеенко на Колыме уже и местечко получше подобрал, где тот коротал бы эти месяцы: больнично-санаторного типа лагерек «23-й километр». Но даже на таком курорте, как Колыма, приморский тиф, видимо, полностью не прошел, или же с Моисеенко произошло что-то еще, но магаданские гуманисты возьми да и верни его в апреле 1939 года с благодарностью сначала на материк, на пересылку, а оттуда, уже не мешкая, в Мариинск – столицу Сиблага³.

Ну хорошо, пройдем и мы вслед за Марковым по стопам биографии Юрия Моисеенко.

Марков охотно раскрывает свое «досье на Моисеенко», цитирует в полном объеме свою переписку с различными инстанциями. Он договаривается до того, что официальное письмо из местного УФСБ называет, словно невесту, «первой ласточкой, «сделавшей весну» (sic! – П.Н.) и пробившей лучиком света тайну очередного очевидца».

Что же до содержания досье – этой коллекции сушенных «ласточек», то бишь архивных справок, составленных на основании учетных карточек, – то все они говорят только об одном: 11 апреля 1939 г. Моисеенко отбыл из Севвостлага в Сиблаг (Мариинские лагеря). Пересылка во Владивостоке – такая же часть Севвостлага, как и золотые или оловянные прииски. И ни одна лучезарная справка не содержит ни тени намека на пребывание Моисеенко именно на Колыме – хотя бы на полчаса. Ни одна!⁴

И напрасно Марков радовался сравнению с «почти идентичной» карточкой Сергея Королева. Он, кажется, даже не понял, что, приводя ее и текстуально, и факсимильно, предается забавам вдовы одного унтер-офицера. У Королева как раз Колыма указана и очень конкретно. А вот у Моисеенко – не указана. И не по ошибке, а потому что он там не был.

Карточка Моисеенко – да, магаданская. Потому что архив всего Дальстроя, в том числе и владивостокской пересылки, – в Магадане, его столице, в информационном центре областного УВД. Там же, кстати, хранится и тюремно-лагерное дело Мандельштама.

Поисками же корабельной документации (наподобие эшелонной) Марков не озаботился.

В одной из слетевшихся в досье ласточек-справок – из Томска – было написано: «Дело на заключенного было уничтожено 30 марта 1960 года по акту по истечению срока хранения». Прослезился или нет, но этого Марков тоже не мог упустить:

«Уничтожение дела со всеми справками, выписками и формулярами; в их числе документы о пребывании на Колыме, можно сказать – неопровержимыми уликами, возможно, и стало одной из первопричин, побудивших Юрия Моисеенко сделать ложный шаг. Он достоверно знал об этом, не предполагая одного, что следы остаются... Как говорится: «ГУЛАГ не отпускает никогда...»

Его не останавливает даже то, что Моисеенко, в отличие от Маркова, даже не подозревал о событии 30 марта 1960 года, столь возбудившем Маркова спустя почти полвека. Его не смущает даже то, что любезнейший ГУЛАГ, хотя и не отпускает никогда, но своих детей, в том числе и Моисеенко, о состоянии их делопроизводств, хоть оно и невежливо, не извещает...

«Прямо шахматная партия», – говорил Мандельштам Ахматовой по поводу ее пушкиноведческих статей. Марков же, расставив шахматные фигуры, решил сыграть ими в «шашки-чапаевцы», прицельно выстреливая ногтем по беззащитной мишени.

Мазила!

«Разоблачение разоблачения»

Напоследок, уже завершая свое мелкодокументальное и совсем не историческое эссе, Марков пробует еще раз унизить поверженного Моисеенко – сравнением с другими, «ему подобными», лжецами:

«Но, как говорят в народе – «свято место пусто не бывает», – вплоть до настоящего времени появляются новые «очевидцы», с неожиданными, порой – совершенно нелепыми легендами».

И тут же, в сноске – новый образчик, очередная легенда⁵:

«Автор приводит рассказ жителя г. Большой Камень Приморского края – Николая Иванушко. Будучи семи лет от роду, он, якобы из рук Осипа Мандельштама, получил записку, когда эшелон с невольниками переставал на станции Партизан (ныне – Баневурово) Транссибирской магистрали на 9190 км. от Москвы и в 79 км. от

Владивостока. В ней говорилось: «Меня везут на Дальний Восток. Я человек видный, пройдут годы, и обо мне вспомнят». И подпись: «Иосиф Мандельштам»». Со слов очередного очевидца, автор указывает неверную дату этой встречи – «июнь-июль 1938 года». И еще, – поэт никогда не называл себя Иосифом; достаточно посмотреть его любой автограф – перед фамилией он всегда ставил «О» – Осип...»

Поправим биографа. Мандельштам родился Иосифом, и его еврейское имя еще долго сосуществовало параллельно с русифицированным «Осипом». То, что в легендарной записке стоит «Иосиф», не делает ее достоверной, но делает достовернее.

В сущности, мандельштамовским биографом Марков уже перестал быть. Он теперь биограф, точнее антибиограф Моисеенко. А Мандельштам ему нужен лишь тогда, когда срабатывает рефлекс разоблачать Моисеенко.

Например, с датировкой «дня письма», отнесенной Моисеенко на начало ноября, до праздников. Но раз Мандельштам пишет в письме: «очень мерзну без вещей», а на улице в начале ноября было аж целых 10–11 градусов тепла, то есть бархатный сезон, то Марков возмущен: Моисеенко и тут заливает. Ну не мог Мандельштам мерзнуть без вещей в такую жару!..

А может, Моисеенко и в ноябре не было на пересылке, а?..

...Все время спрашиваю себя о мотивации марковских сверхусилий по «разоблачению» части свидетельств одного из немногих последних очевидцев. Что за низкие, злобные комплексы, что за бесы толкали взрослого человека на такое странное, такое малосимпатичное и совершенно пустое занятие? Ревность и зависть к железнодорожному обходчику из белорусской глубинки, к ему, а не тебе доставшемуся «шквалу обрушившегося

на него внимания», к «согретости и обласканности прес-сой и, практически, всемирной славе», к «зениту славы»?

Нелепые слова, ложные представления. Как бы жарко несколько сот человек на Земле ни любили стихи Мандельштама, но в ООН вопросы его текстологии все еще не обсуждаются.

Как и «физик Л.» и другие очевидцы, Моисеенко не только не искал «всемирной славы», но скорее побаивался своего намеренья открыться и рассказать даже то, что знал. В Осиповичах, в семье Моисеенко дело, по словам его дочери Людмилы, происходило так:

«...Написать свое первое письмо о Мандельштаме побудил его мой брат Сергей. Так получилось, что я нечаянно застала конец их разговора. Папа был возбужден и говорил что-то возмущенно, я услышала только слова брата: „А если бы это ты, мой отец, не вернулся и я ничего не мог узнать о твоих последних днях?! Ты должен рассказать, что знаешь!“ Дословно я, конечно, не помню, но смысл был такой.

Папа ничего не ответил, он просто замолчал, а до этого я слышала: „Не хочу, не хочу, не хочу“. Думаю, ему пришлось побороть себя, чтобы пережить все снова и снова»

P.S.

Свои аргументы в защиту Моисеенко я впервые опубликовал в интернет-журнале «Информпространство»⁶. И недавно получил от дочери Моисеенко новое письмо:

«Павел, прочла Вашу статью на одном дыхании и расплакалась. Мне до сих пор было больно за поруганную память о моем отце. Вы сняли эту тяжесть с моего сердца, и я Вам очень благодарна».

¹ Битов А. Колина страничка // Собеседник на пиру. Памяти Николая Поболя. М., 2013. С. 94.

² Марков, 2013. С. 202–231.

³ Сиблаг, существовавший с 1929 и по 1960 г. Его столица перемещалась – то она в Мариинске, то в Новосибирске. С 28 февраля 1937-го и по 29 июля 1939-го – как раз в Мариинске.

⁴ Колымская документация содержала в себе, как правило, и указание на корабельный этап, которым зэка приплыл в Нагаево.

⁵ Приводится сноска на: Калашикова Юлия. Незнакомец по имени... Мандельштам // Дальневосточные ведомости, 2010. 31 марта.

⁶ Нерлер П. Разоблачение разоблачения, или про четыре ведра помоев // Информпространство. Живое слово. 2014. № 3 (185). С. 76–83. В Сети: http://www.informprostranstvo.ru/N185_2014/pavelnerler.html

